
СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.34020/2073-6495-2020-3-241-250

УДК 316.4.06

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОЦЕСС ДЕГУМАНИЗАЦИИ: НОВЫЕ СМЫСЛЫ

Костоломова М.В.

Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
E-mail: m.kostolomova@yandex.ru

Данная работа посвящена осмыслению и анализу проблемы дегуманизации в условиях современной социальной реальности. Автор предлагает сфокусироваться на новых смыслах процесса «расчеловечивания» как ответной реакции на многофакторность, динамичность и нестабильность глобального социального мира. Такие «новые смыслы» являются фоновыми процессами человеческого бытия сегодня: экспансия цифровых технологий, парадигмальные и мировоззренческие сдвиги и пр. Несмотря на социетальный масштаб обсуждаемого вопроса, в статье делается акцент на наличие способов преодоления кризиса «потери Человека».

Ключевые слова: социальная реальность, дегуманизация, цифровизация, парадигма, человек, общество.

SOCIAL REALITY AND THE DEHUMANIZATION PROCESS: NEW MEANINGS

Kostolomova M.V.

Institute of Socio-Political Research –
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: m.kostolomova@yandex.ru

This paper is devoted to the comprehension and analysis of the problem of dehumanization in the conditions of modern social reality. The author suggests focusing on new meanings of the process of «humanization» as a response to the multifactor, dynamism and instability of the global social world. Such «new meanings» are the background processes of human life today: the expansion of digital technologies, paradigm and worldview shifts, and more. Despite the societal scale of the issue under discussion, the article focuses on the availability of ways to overcome the «loss of man» crisis.

Keywords: social reality, dehumanization, digitalization, paradigm, human, society.

Пожалуй, в последние 20 лет главным фокусом общего социетального дискурса является цифровизация и технологизация человеческого существования. Проблемные вопросы, связанные с этими актуальными и уже перманентными процессами, не только активно исследуются учеными – представителями различных областей знания, но для обывателей они становятся часто незримым и не осознаваемым фоном повседневной жизни. При этом влияние, которое такой «фон» оказывает, становится колоссальным в своей прогрессии. Хотя осмысление происходящего в условиях постоянно меняющейся социальной реальности, это не самая легкая задача, человечество не просто подошло к ее решению, а было вынуждено это сделать. Тем более что продолжают проявляться последствия научно-технических открытий последних лет, а также формируются угрозы и риски как явные, так и латентные. Человек наблюдает рождение новых смыслов, идей и мировоззренческих установок (сингулярианство, трансгуманизм, иммортализм, экстропианство), сам того не осознавая, участвует в формировании культа беззаботного и бессмертного «оцифрованного» будущего (растиражированного СМИ и массовой культурой). Однако при этом продолжает сохраняться довольно объемный культурный лаг, не только по причине «неуспевания» за стремительным научно-техническим прогрессом, сколько из-за малодоступности и неосведомленности о продуктах этого прогресса. Строго говоря, несмотря на всеобщий «цифровизирующий курс», в полной мере такими инновационными «благами» «насладиться» могут лишь определенные социальные группы.

В Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» в 2019 г. были поставлены довольно амбициозные цели. Например, внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников по доле в валовом внутреннем продукте страны к 2024 г. должны составлять 5,1 %. В то время как показатель на 2020 г. установлен в 2,5 %. Также к 2024 г. предполагается обеспечить доступ к сети Интернет 97 % домохозяйств и пр. [16]. При этом подразумевается обязательная цифровизация ключевых отраслей социальной инфраструктуры, обеспечивающих жизнедеятельность общества.

Однако, выдерживая общий курс на цифровизацию как в глобальном, так и в локальном национальном аспекте, общество должно находиться в состоянии способности и готовности реагировать на непредвиденные внешние обстоятельства. На сегодняшний день не обязательно быть членом научного или экспертного сообщества, чтобы с уверенностью утверждать, что 2020 г. станет одним из запоминающихся и резонансных периодов нашей современности. И не только по причине возникшей коронавирусной инфекции, а, скорее, ввиду последующего длительного периода сглаживания и устранения социально-экономических и политических последствий, которые уже кардинально изменили привычную картину мира. Но, главное, все стремительно развивающиеся в данный момент процессы и ситуации являют миру всю имманентную *суть социальной реальности*: она нестабильна, неустойчива, крайне неуравновешена и слабо прогнозируема по своим будущим состояниям. Очевидно, что осмысление текущих и грядущих перемен лишь впереди. Думаем, с уверенностью можно лишь полагать, что сложившаяся ситуация затронула всех и одновременно каждого

члена социума на различных уровнях своего воздействия – на социальном, экономическом, политическом и на социокультурном. Все эти изменения способствуют серьезным качественным сдвигам в привычной жизни человека и формируют зачатки *более глубоких, коренных, масштабных трансформаций социального мира*. Именно на осознании и анализе этих перемен стоит сконцентрироваться сегодня, особенно научному сообществу, представителям социально-гуманитарного знания. Несмотря на стремительное распространение нового вируса COVID-19 по всему миру, сегодня вопрос о том, *как выжить в создавшихся условиях, приобретает несколько иное значение. Помимо узкого смысла, акцентированного на физическом выживании Человека, рождается смысл широкий, подразумевающий выживание и сохранение Человека как создателя своей социальной реальности*.

Такой смысл назревает еще и потому, что за многочисленными социальными процессами целеполагания стала теряться главная задача – для кого и для чего они запускаются. Как неординарное событие для большинства «стабильных» социальных систем, ситуация с разразившейся пандемией в определенной степени сыграла положительную для них роль, а именно позволила за короткий период увидеть все свои недостатки и «пробелы». Фактически, эта ситуация указала на состояние разворачивающейся аномии, «общего состояния дезорганизации», когда «действительность не может удовлетворить предъявляемых людьми требований», а «необузданные претензии каждого неизбежно будут идти дальше всякого достижимого результата, ибо ничто не препятствует им разрастаться безгранично» [2, с. 303].

Описанная нами картина современной социальной реальности, обремененная цифровизацией, технологизацией, идеей «упрощения» жизни, постоянной сменой парадигмальных оснований, соревнованием экономических систем, столкнувшись с глобальным социальным потрясением, показывает, что почти *потеряла Человека*. Речь идет о новой волне процесса дегуманизации.

«Умаление человека» началось задолго до происходящих сегодня процессов, а скорее в XIX в. такими мыслителями, как, например, А. Шопенгауэр и Ф. Ницше. Общий посыл «развенчателей» оставил риторiku в неизменном виде: «<...> человек, “в уме которого смешалось множество понятий”, *презренный плебей*; авторитет его во всех отношениях положительно нуждается в костюме: ему нужна история, как кладовая для платья. Разумеется, он при этом замечает, что ни один костюм не сидит на нем как следует, – он меняет образ один за другим» [8, с. 420–421]. Кроме того, «Человек “современных идей” страшно недоволен собою: это установлено твердо», а стремление к идеальному и «чистому» неизбежно разбивается об его имманентно-отрицательные, патологические черты, которые требуют «исправления» [8, с. 420–421].

Следующим условным этапом генезиса «расчеловечивания» как концепции можно обозначить ее институционализацию и в определенной степени даже легитимацию. Многие исследователи связывают этот процесс с творчеством постмодернистов и постструктуралистов (Ж. Делеза, Ж. Дерриды, М. Фуко, Ж. Лакана, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж.Ф. Лиотара и др.), когда их усилиями был создан новый тренд «деконструкции» метафизи-

ки, который фактически заложил идеологический базис для дальнейшего движения Человека по траектории, если не уничтожения, то коренной трансформации себя как вида. Постмодерн стал олицетворением эпохи отрицания традиций, развенчания «метанарративов», наконец, «заката» человеческой истории.

Адекватной для социальной реальности сменой постмодернистских трендов явился уже упоминаемый нами трансгуманизм. Этот факт парадоксален тем, что появление термина «трансгуманизм» обычно связывают с серединой XX в., а именно с 1957 г., когда Дж. Хаксли употребил его в своей работе, предвосхищая появление многих постмодернистских концепций [12]. Однако именно в последние пару десятилетий трансгуманизм приобрел статус новой философии, декларирующей требование трансформации человеческой особи с установкой на абсолютное и реальное преодоление таких «нежелательных» последствий телесного (и не только) существования, как болезни, старения и даже смерти. Достижения в науке и технологии уже позволяют осуществить многое. Например, медицине доступно выращивание и трансплантация органов, нейропротезирование, генетическая диагностика (отбор эмбрионов), биохакинг и пр. В области геной инженерии наиболее крупное достижение последних лет – нахождение и использование методик направленного редактирования генома (CRISPR-Cas), что в перспективе открывает перед Человеком неограниченные возможности, выходящие за границы простого «удаления» генетического наследственного заболевания [11]. Поэтому сегодня в процессе дегуманизации, отчетливо прослеживается продиктованный уже настоящим временем новый посыл. Он выражается в следующем.

1. *В размытии ценностного «каркаса»* посредством внушения через СМИ (в основном через сеть Интернет) «непопулярных», но удобных для определенных группировок идей, мыслей, установок, что в результате выражается в трудностях при выстраивании межличностных связей, в деформации института семьи, потере морально-нравственных ориентиров, отказе от табуирования и запретов, привитии цинизма и т.д.

2. *В уничтожении мировоззрения* как целостной, объемной картины мира и подмене «новой философией» транс- и постгуманизма. Ее главный постулат: «бесконечное улучшение человека с использованием достижений научно-технического прогресса (ко-эволюция человека и роботизированных систем, киборгизация)» [5, с. 18], а также формирование «искусственной копии тела человека, управляемой мыслью с помощью нейроинтерфейса» [15]. И хотя данные мировоззренческие концепции широко подвергаются критике, скорее всего, их последователи будут расти в силу общего контекста социетального развития и активной популяризации со стороны апологетов.

3. *В экспансии цифровых технологий:* декларируются преимущества искусственного интеллекта (далее – ИИ) над разумом человека, внушаются благие цели цифровизации человеческой жизни («облегчение» быта, процесса коммуникации, усвоения знаний, физического продления жизни, улучшение своего организма и пр.), что выражается как в конкретных, очевидных процессах, например, вытеснение человека с его рабочего места и замена его ИИ (имеем в виду любой вид труда), так и в возникновении но-

вого вида отклоняющегося поведения – *цифровой девиации*¹. Формируется ресурсная база для контроля всех сфер жизни человека.

4. *В процессе отчуждения права на личную свободу*, обретающего ввиду всеобщей и порой принудительной цифровизации, ощутимый для Человека масштаб. Сегодня технологии позволяют по «цифровому следу» («кибер-тени»), оставляемому пользователем, собрать всю требуемую о нем информацию: его характер, интересы, желания, внешность, круг общения и пр. «Мы словно обзавелись еще одним набором генов – но уже цифровых. Множество алгоритмов уже сегодня идут по нашему цифровому следу, занимаясь анализом написанных нами текстов или профилированием в соцсетях...» [14]. Таким образом, при необходимости возможно не только контролировать Человека, но также направлять его самого или его действия. Ситуация, с введенными цифровыми пропусками для передвижения населения в целях сдерживания распространения вируса COVID-19 наглядно проиллюстрировала, что сегодня такой контроль возможен не только в виртуальном пространстве.

5. *В направленной дегуманизации социальных институтов*, что приводит к переформатированию функций этих институтов как средств, способствующих стратегии расчеловечивания. Довольно яркий пример – система образования. Постепенное и растянутое во времени отчуждение гуманистической парадигмы, выражающееся в обесценивании и выхолащивании самой сути процесса передачи знания через диалог ученика и учителя. Сегодня созданы все условия для того, чтобы этот процесс напоминал сделку между поставщиком (педагогом) услуги (образовательной) и ее потребителем (учеником). Кроме того, широкое распространение получает дистанционное обучение, в принципе исключаящую какую-либо «живую» коммуникацию.

6. *В дегуманизации научного знания*, что заложило основы для «расчеловечивания» посредством системообразующих институтов – науки и образования. Существует мнение, что «уже на ранних этапах становления новоевропейская наука является дегуманизированной, поскольку основная ее претензия на объективность задается однозначно сконструированным предметом изучения, использованием некоторых стандартных правил его исследования и *исключением личности из процесса познания*» [7, с. 77].

7. *В направленной дегуманизации Человека в различных аспектах его бытия* – духовном, физическом, коммуникативном, этическом, эстетическом и др. Такой комплексный подход подразумевает «культивирование консюмеризма; вытравливание чувства стыда посредством порнофикации и обценнизации языка и культуры, а также навязчивых либо принудительных медицинских “услуг”; разрушение этнокультурной и половой идентичности; возвеличивание псевдоискусства» и т.д. [13].

Скептический взгляд на такое рассмотрение стратегии «расчеловечивания» подталкивает к мысли о том, что большая часть описанных явлений имела место быть в предшествующие исторические периоды. Например,

¹ Цифровая девиация, или цифровое девиантное поведение – это совокупность эмоциональных, физических, социальных, интеллектуальных и мировоззренческих реакций Человека на кардинальные изменения окружающей социальной среды, вызванные влиянием цифровизации на все уровни человеческого бытия (определение автора).

критика западного общества культуры XX в., неизменно ассоциирующаяся с работами знаменитых мыслителей Й. Хейзинги, Х. Ортеги-и-Гассета, М. Хайдеггера, Э. Фромма, Г. Маркузе и др., – что это, если не призыв увидеть Человека и вернуть его на пьедестал «венца творения»? Однако на тот момент социологами и философами анализировался, скорее, процесс упадка и краха не Человека как биологического и социального существа, но разрушение «экономического человека» цивилизации капиталистического модерна, крахом идеала абстрактной свободы и приоритета не заповедей, но желаний индивида. При том, человек модерна мог проявлять различные качества в разных ситуациях, а преобладающий образец человека модерна в литературе и искусстве – это герой, великая личность или, по крайней мере, нонконформист [13]. В то время как описанные нами новые аспекты процесса дегуманизации имеют иную проекцию – ракурс растворения, обезличивания, «размытия» Человека, перехода его в другое, не видовое состояние (андроидное, виртуальное и даже бестелесное).

Приведенные нами некоторые современные черты дегуманизации примечательны не только тем, что указывают на суть протекающих в глобальном обществе «фоновых» процессов, но тем, что также акцентируют внимание на глубоких, исторически обусловленных закономерностях. В частности, речь идет об априорно-конформной, адаптивной и часто легко внушаемой природе Человека ввиду того, что он «<...> неизбежно вовлечен в сеть социальных отношений, которые сдерживают его действия; поэтому его попытки уничтожить эти принудительные ограничения, в общем, обречены на неудачу» [3, с. 8.]. В силу различного рода причин мы не в состоянии ответить на вопрос о том, для чего и кем запущен процесс дегуманизации, однако возможным представляется дать ответ на вопрос «как» происходит «расчеловечивание».

Кроме принятия того факта, что процесс дегуманизации является контролируемым, следует учитывать, что в качестве главного инструмента выступает *информационное воздействие* на социум. Характер информационного воздействия становится зависим не только от новой, постоянно меняющейся, социальной реальности, но и слабо прогнозируемых *цифровых трендов*, под которыми мы понимаем в широком смысле – совокупность явлений и процессов, требующих принудительной цифровизации человеческой жизнедеятельности. В узком смысле – конкретные, зависящие от отрасли деятельности и динамики развития цифровых технологий, запросы, требования, ожидания в отношении трансформации социальной структуры.

Информационное воздействие как понятие широко используется в различных областях знания. Наиболее распространенными являются его трактовки в психологическом и правовом аспектах. В первом случае, определение следующее: «вид социального воздействия, когда нам приходится обращаться к другим людям за информацией о том, как нам следует думать или поступать. Если мы не уверены в своем мнении или выборе наилучшей стратегии в конкретной ситуации, другие люди могут снабдить нас ценной информацией. Приспосабливая свое мнение и поступки к мнениям и поступкам окружающих, мы проявляем разновидность конформизма. На самом деле информационное воздействие является мощным инструментом убеждения; это одна из главных причин нашего желания походить

на других людей» [4]. С.И. Макаренко несколько модифицирует понятие, предлагая его в таком виде – «информационно-психологическое воздействие – информационное, психотронное или психофизическое воздействие на психику человека, оказывающее влияние на восприятие им реальной действительности, в том числе на его поведенческие функции, а также в некоторых случаях на функционирование органов и систем человеческого организма» [6, с. 390].

Правовой фокус предлагает массу определений данного понятия, однако смысловое содержание фактически указывает на то, что информационное воздействие – это не что иное, как «распространение информации (представлений, идей, интересов, настроений, чувств и т.д.), ориентированное на изменение правовой психологии и правового поведения объекта воздействия, неразрывно связано со смысловым или коммуникативным аспектом», т.е. это вменяемая норма социального поведения, одобряемая государством [1]. Несмотря на столь разноаспектное восприятие информационного воздействия как процесса, неизменным остается его главное предназначение, а именно – влияние на сознание, мысли, установки членов социума. Хотя такое влияние не обязательно может носить строго негативный характер, но чаще к нему прибегают все же в контексте убеждения для достижения собственных, «неудобных» всем целей. Цифровая среда существенно облегчает сам процесс информационного воздействия, предоставляя все необходимые для этого ресурсы. Современные IT-технологии позволяют запустить и распространить любую новость за считанные секунды. С учетом доказанной многими исследователями и формирующейся все у большего количества людей (особенно, детей) зависимости от гаджетов, информационное воздействие не требует особых усилий [17]. Более того, немалую роль играют социальные сети, основной функцией которых давно перестала быть только коммуникация. Сегодня они фактически представляют собой канал СМИ, обширное поле для реализации разнообразных целей (например, канализации общественного мнения). Учитывая тот факт, что зачастую повседневное использование социальных сетей происходит по инерции, от скуки, а не ввиду назревшей необходимости, следует признать, что такие действия провоцируют не только бессознательное потребление ненужной, «мусорной» информации, но и повышенный риск развития патологических психических состояний, особенно среди молодежи [18]. Однако, как мы упоминали ранее, информационное воздействие может носить положительный характер, также влияя на сознание, психическое и социальное самочувствие личности.

Возвращаясь к основополагающему вопросу о том, как выжить современному Человеку во всех аспектах своего существования, следует признать, что, безусловно, преодоление процесса глобальной дегуманизации – это выход, однако вряд ли осуществимый в контексте рассмотрения его как возврата к истинно гуманитарной парадигме. Также еще и потому, что этот возврат не требуется, поскольку качественно изменившаяся социальная реальность нуждается в адекватных настоящему времени решениях. Принципиально важным и первым шагом в направлении решения такой общецивилизационной, социетальной проблемы, как дегуманизация, должно стать ее осмысление мировым и национальным научным сообществом,

особенно представителями социально-гуманитарного знания. В свою очередь, разработанные конкретные предложения могли бы послужить законотворческой базой для непосредственного решения данной проблемы на локально-государственном уровне. Поскольку именно государство является тем социальным институтом, который в определенной степени формирует «оболочку» нашей социальной реальности. Подобные конкретные шаги уже несколько лет предпринимаются российскими учеными С.С. Сулакшиным, В.Э. Багдасаряном, М.В. Вилисовым, М.С. Нетесовой, Е.Г. Пономаревой, Е.С. Сазоновой, В.И. Спиридоновой, М.В. Черниковым, М.В. Снегиревой и многими другими [9]. Несколько лет существует и развивается созданная ими концепция нравственного государства, подразумевающая трансформацию государственного устройства «как оптимального гаранта социальной справедливости» [10, с. 59]. Проблема же «социальной справедливости предполагает рассмотрение ее национальной ипостаси как одной из приоритетных задач возрождения России с учетом специфики русской традиции» [10, с. 59]. В рамках данного проекта предполагаются конкретные меры по достижению главной цели, как, например, «активная роль государства как экономического субъекта <...>», обеспечивающего поддержку различных групп населения, или «всестороннее – нравственное, интеллектуальное или физическое – развитие каждого гражданина» и пр. [10, с. 61].

Несмотря на то что проект нравственного государства, как и другие ему подобные, воспринимается неоднозначно и пока имеет больше оппонентов, чем сторонников, – это научный поиск, который является важным шагом на пути преодоления процесса дегуманизации. Двигаться дальше в заданном направлении или потерять Человека? Решать нам.

Литература

1. Андрианов М.С. Психологические механизмы воздействия СМИ на процессы правовой социализации // Юридическая психология: сб. науч. трудов / под ред. А.Р. Ратинова, Г.Х. Ефремовой. М., 1998.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. М.: АСТ, 2019. 512 с.
3. Козер Льюис А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте / пер. с англ. Т.И. Шумиловой; под ред. И.Б. Орловой. М.: Норма, 2006. 528 с.
4. Кордуэлл М. Психология. А – Я / пер. с англ. К.С. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 448 с.
5. Костоломова М.В. Трансгуманизм: от идей к парадигме // Alma Mater. Вестник высшей школы. М.: ООО «ИНОИЦ «АЛМАВЕСТ», 2019. № 6. С. 17–22.
6. Макаренко С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. Монография. СПб.: Научные технологии, 2017. 546 с.
7. Макиенко М.А. Истоки дегуманизации научного знания // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318. № 6. С. 72–77.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра; По ту сторону добра и зла / пер с нем.; вступ. ст. Е. Парнова. М.: Книжный клуб Книговек, 2011. 576 с.
9. Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Нетесова М.С., Пономарева Е.Г., Сазонова Е.С., Спиридонова В.И. Нравственное государство. От теории к проекту / под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Наука и политика, 2015. 424 с.

10. *Тяпин И.Н.* Нравственное государство как государство справедливости: штрихи к концепции // *Философия права*. 2016. № 6 (79). С. 57–62.
11. *Pennisi E.* The CRISPR craze // *Science*. 2013. Band 341. № 6148. P. 833–836.
12. *Huxley J.* Transhumanism. In *New Bottles for New Wine*. L., 1957. 318 p.
13. Глобальная стратегия расчеловечивания. Соборная горка. [Электронный ресурс]. URL: <https://sobornaya-gorka.ru/2017/08/10/s-drugoj-storony/> (дата обращения: 15.04.2020).
14. Кибер-ДНК. Эксперт online/ [Электронный ресурс]. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2019/16/kiber-dnk/ (дата обращения: 19.04.2020).
15. Ключевые этапы проекта Аватар. Россия-2045. Стратегическое общественное движение. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.2045.ru> (дата обращения: 19.04.2020).
16. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций». [Электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (дата обращения: 13.04.2020).
17. *Martins M., Formiga A., Santos C., eds.* Adolescent internet addiction e role of parental control and adolescent behaviours. [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/search/advanced?qs=internet%20adolescents> (accessed at: 13.04.2020).
18. *Stockdale Laura A., Coyne Sarah M.* Bored and online: Reasons for using social media, problematic social networking site use, and behavioral outcomes across the transition from adolescence to emerging adulthood. [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0140197120300105?via%3Dihub> (accessed at: 16.04.2020).

Bibliography

1. *Andrianov M.S.* Psihologicheskie mehanizmy vozdejstvija SMI na processy pravovoj socializacii // *Juridicheskaja psihologija: sb. nauch. trudov / pod red. A.R. Ratinova, G.H. Efremovoj*. М., 1998.
2. *Djurgkejm Je.* Samoubijstvo. М.: AST, 2019. 512 p.
3. *Kozer Ljuis A.* Mastera sociologicheskoy mysli. Idei v istoricheskom i social'nom kontekste / per. s angl. T.I. Shumilinoj; pod red. I.B. Orlovoj. М.: Norma, 2006. 528 p.
4. *Kordujell M.* Psihologija. A – Ja / per. s angl. K.S. Tkachenko. М.: FAIR-PRESS, 2000. 448 p.
5. *Kostolomova M.V.* Transgumanizm: ot idej k paradigme // *Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly*. М.: ООО «INOIC «ALMAVEST», 2019. № 6. P. 17–22.
6. *Makarenko S.I.* Informacionnoe protivoborstvo i radioelektronnaja bor'ba v setecentricheskix vojnah nachala XXI veka. Monografija. SPb.: Naukoemkie tehnologii, 2017. 546 p.
7. *Makienko M.A.* Istoki degumanizacii nauchnogo znanija // *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta*. 2011. Vol. 318. № 6. P. 72–77.
8. *Nicshe F.* Tak govoril Zaratustra; Po tu storonu dobra i zla / per s nem.; vstup. st. E. Parnova. М.: Knizhnyj klub Knigovek, 2011. 576 p.
9. *Sulakshin S.S., Bagdasarjan V.Je., Vilisov M.V., Netesova M.S., Ponomareva E.G., Sazonova E.S., Spiridonova V.I.* Nравstvennoe gosudarstvo. Ot teorii k proektu / pod obshh. red. S.S. Sulakshina. М.: Nauka i politika, 2015. 424 p.
10. *Tjapin I.N.* Nравstvennoe gosudarstvo kak gosudarstvo spravedlivosti: shtrihi k koncepcii // *Filosofija prava*. 2016. № 6 (79). P. 57–62.
11. *Pennisi E.* The CRISPR craze // *Science*. 2013. Band 341. № 6148. P. 833–836.
12. *Huxley J.* Transhumanism. In *New Bottles for New Wine*. L., 1957. 318 p.

13. Global'naja strategija raschelovechivaniya. Sobornaja gorka. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://sobornaya-gorka.ru/2017/08/10/s-drugoj-storony/> (data obrashhenija: 15.04.2020).
14. Kiber-DNK. Jekspert online/ [Jelektronnyj resurs]. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2019/16/kiber-dnk/ (data obrashhenija: 19.04.2020)].
15. Ključevye jetapy proekta Avatar. Rossiya-2045. Strategičeskoe obshhestvennoe dvizhenie. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.2045.ru> (data obrashhenija: 19.04.2020).
16. Nacional'naja programma «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii. Ministerstvo cifrovogo razvitija, svjazi i massovyh kommunikacij». [Jelektronnyj resurs]. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (data obrashhenija: 13.04.2020).
17. *Martins M., Formiga A., Santos C., eds.* Adolescent internet addiction e role of parental control and adolescent behaviours. [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/search/advanced?qs=internet%20adolescents> (accessed at: 13.04.2020).
18. *Stockdale Laura A., Coyne Sarah M.* Bored and online: Reasons for using social media, problematic social networking site use, and behavioral outcomes across the transition from adolescence to emerging adulthood. [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0140197120300105?via%3Dihub> (accessed at: 16.04.2020).